

ИВАН ПРИВАЛОВ

Неизвестный капитан

ВОСТОК

Иван Привалов

Неизвестный капитан. Восток

«Издательские решения»

Привалов И.

Неизвестный капитан. Восток / И. Привалов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-596592-9

Книга о жизненном пути на благо своей страны Михаила Михайловича — капитана третьего ранга, участника войны с Японией. Капитан-директора тунцеловной базы «Солнечный Луч». О жизни моряков на Дальневосточных рубежах страны, о самоотверженном труде в послевоенные годы на освобождённых русских землях Восточной Пруссии.

ISBN 978-5-00-596592-9

© Привалов И.
© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Практика	14
Партия	16
Аргунь	17
ТОФ	20
Подлодка	21
Сорок пятый	23
Дети лейтенанта Шмидта	25
Звучание Победы	27
Предчувствие	29
Ослики моря	31
Туман	33
Позади	35
Когда наступил мир	38
Люди	40
Первый отпуск	42
Курск	43
Поезд	46
Навеяло Востоком	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Неизвестный капитан Восток

Иван Привалов

*Взгляни на лавры вековые:
Их листья, каждый в свой черед.
Переменяются что год —
Одни спадают, взойдут другие,
А лавр всё зелен, вечно свеж,
И листья будто вечно те ж...
Майков А. Н.*

© Иван Привалов, 2023

ISBN 978-5-0059-6592-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Хотелось оставить в истории жизнь человека...

Имя и фамилию...

Но к сожалению, нет согласия родственников, нет...

А потому оставляю только имя и то что любое совпадение имён и событий является фантазией автора.

Жаль, что из реальной жизни человека, из событий и жизни страны приходится изображать придумку. Жаль, что все факты и документы становятся вымыслом...

Но тем не менее...

Позади почти три года... и целая жизнь.

И как результат, Вы держите в руках второе издание книги написанную о человеке. Написанную о нём, им и с ним...

Всё началось с поисков забытой жизни чекиста, похороненного на Новодевичьем кладбище. И сортируя информацию полученных лет о нём записал себе в записной книжке: «Верхнеудинск. Реввоен трибунал Забайкальского военного округа...». Записал и забыл. А поставив точку в рассказе, решил попробовать узнать о Л... се побольше.

И полетели в архивы Дальнего Востока письма: «Кто, что и где?» и через время кирпичами в голову ответы: «Нет! Нет. Неизвестно» или просто ничего...

Несколько месяцев переписки и тупик. Глухой, таёжный и беспросветный. Отчаянная безысходность. Заколдованная информационная топь. А сознание не смиряется, оно хватается за соломинку, ищет лазу, ответвления, зацепки и новые и новые пути-дорожки.

Единственное, удалось узнать, что разыскиваемый человек «родился в 1904 году в г. Верхнеудинске. Служащий. Воевал в партизанском отряде. Член ВКП (б) с шестнадцати лет. Последнее место работы: секретарь Революционного Военного Трибунала Забайкальского военного округа по борьбе с дезертирством. Погиб в декабре 1922 года».

В шестнадцать лет вступил в партию, и в восемнадцать уже занимал, не маленькую по тем временам, ответственнейшую должность...

И ещё получилось установить, что у него родился сын Михаил.

И всё!

Но если с этой стороны найти ничего нельзя, то может попробовать проследить продолжение его жизни сыном? Подтвердить или опровергнуть знаменитую и избитую историю с яблоней и упавшим яблоком?

Что наша жизнь без продолжения славных дел предков?! Кто наши отцы и деды без умножения нами их дел и славы?!

Почему-то был уверен, что сын должен повторить надежды и стремления отца.

И полетели новые запросы в Верхнеудинск, изменившего со временем своё имя на Улан-Удэ, Москву, звонки незнакомым людям, поиски по социальным сетям и библиотекам...

Ответы, на которые привели во Владивосток, в Советскую Гавань, Курск, Москву и что оказалось совсем неожиданным в дальнейшем: в Калининград. Через войны и моря к первопроходцам океанического лова молодой области страны. Человеком, судьба которого легла красной, незаметной нитью флага нашей Родины, от Дальнего Востока до Запада.

Наберитесь терпения и пройдите со мной его путь: от и до, по переплетеньям нитей его судьбы. От неизвестности зарождения до высот забвения. По просторам и свершениям великой страны шагами обычного-необычного человека – Михаила Михайловича.

В ходе написания рассказа пришлось столкнуться с тем, что многие страницы истории нашей страны до сего времени, по различным причинам, находятся под грифом «Секретно». Что всё настолько перепутано и запрятано в различных архивах и уголках нашего государства,

а полученные ответы взрывают сознание, меняют представление о днях минувших, открывают неизвестную и настоящую историю нашей страны. Она очень отличается от той, что учил в школе, но она отличается и от той, о которой сейчас толкуют по многим каналам в телевизоре. А ведь это прошлое великой страны, великих людей и великих свершений скрученных миллионами нитей в один накрепчайший канат.

В этой книге, вы проследите нить одной жизни, переплетённой днями страны, области и ниточками судеб. Не знаю какую вы отметите, а какую осудите, что Вы найдёте и что оставит след в Вашем сердце. Это не страшно. Может на этих страницах найдёте частичку своего прошлого или настоящего. Ведь может где-то также сплетается и Ваша нить судьбы. С жизнью страны...

Эта книга в первую очередь, об одном из миллионов простых людей нашей страны. Ими защищённой и поднятой из руин в космос. Каждый из которых был первооткрывателем, пионером и победителем. Замечательная жизнь неизвестного человека...

В поисках прочитано сотни книг и тысячи публикаций для получения ответов на мои вопросы. Встретиться, созвониться, списаться. А получая ответ, задавал себе и другим новые и новые вопросы.

Рассказ... Изначально ведь и задумывался небольшой рассказ. Но по мере движения вперёд задумка изменилась. Она обросла такими фактами, что в маленький формат всё просто бы не уместилось, как не сжимай. В поисках выяснилось, что молодому и романтичному лейтенанту пришлось принять участие в войне с Японией. Вроде, можно было бы всё закончить нашей и его Победой, но тут выяснилось, что он не прошёл стороной мимо одной из самых засекреченных государством и временем войны в Корее. Очень хорошая концовка повествования о героическом пути морского офицера Тихоокеанского флота. Но оказалось, что это всё было началом и продолжением событий завтра.

Подвиги они ведь бывают разными. Яркими и впечатляющими. Вспышкой. Взрывом. А есть простые и повседневные. Тихие и незаметные. Изо дня в день. Подвиг – делать настоящее и будущее своей страны. Подвиг – приумножать славу предков. Таких людей много. Они каждый день с нами. Они вокруг. И мы так привыкаем к ним, что замечаем их лишь тогда, когда они перестают навсегда быть рядом. Когда пробоиной в днище корабля чувствуешь пустоту и холод бездны.

То, что Вы прочтёте это коллективный, художественно-исторический труд. Труд многих людей по крупицам, помогавших мне собрать информацию о делах одного скромного человека.

Написанное может показаться излишне политизированным, переполненным ненужным официозом, публикациями, размышлениями. Очень личным и откровенным. Излишне подробным и непонятным. Может и так, но мне хотелось, чтобы читатель, читая эту книгу погрузился в атмосферу тех дней, поплавал в водах тех славных времён, попробовал вкус рыбацкого пота. Хотелось, чтобы Вы шли по океану в шторм на боевом крейсере, тралили японские и американские мины в Японском море, учили корейских товарищей расстреливать мины, выискивали и топили вражеские подводные лодки, выуживали немецкие ипритовые бомбы со дна Балтики. А потом, для того чтобы накормить страну в послевоенные годы, выбивали, сводящими от напряжения и холода скрюченными пальцами, из сетей рыбу на небольшом обледенелом судёнышке среди огромных айсбергов Северного моря.

Хочу, чтобы Вы почувствовали себя капитаном могучей тунцеловной базы Управления тралового флота Калининградской области Советского Союза, со всей мерой ответственности: за людей, за судно, за план, за страну.

Не могу обойти добрым словом тех, кто помогал мне в моих поисках. Ведь были такие дни, когда, хотелось всё бросить, и в бессилии опустить руки. Но ведь всё время находились неравнодушные люди, которые своей помощью зажигали и раздували костёр исследования. В первую очередь это: моя супруга – Привалова Оксана Сергеевна, помощник и спутник.

Именно она всё это время ограждала меня от бытовых забот и приступов безысходной хандры, часами выслушивающая написанные наброски и черновики, а также старший брат Привалов Сергей Иванович, бывший и настоящий моряк, чей авторитет в вопросах мореплавания, как впрочем и других, для меня непререкаем, а жизненный опыт, помощь, понимание и безжалостная критика бесценны.

Библиотеки... Так сложилось, что сейчас это не просто кладовки с, казалось бы, никому не нужными, запылёнными временем книгами, сейчас это начало начал. Вы даже не представляете какие знания хранятся на стеллажах хранилищ. Какие мысли бушуют на полках. К сожалению, не смог запомнить имена всех незаметных героев – капитанов в стеллажах прошлой и настоящей жизни, поэтому простите. Скажу, что без Вашей помощи ничего бы не получилось. Без Вашего внимания и заботы, без Ваших знаний и настойчивости. Без единомышленников Калининградской областной научной библиотеки, библиотеки имени Чехова, Черняховской центральной городской библиотеки имени Лунина. Без Оли Козловской – хранительнице знаний Дома офицеров г. Калининграда. Без администрации и хранителей фондов Библиотеки иностранной литературы им М.И.Рудомино. Без неизвестных мне сотрудников университета имени Канта. Ничего... Спасибо Вам!

Маяками в просторных туманах прошлого стали и музеи. Мы часто не задумываемся о деталях увиденного или услышанного. Принимаем, не особо вдаваясь в детали. За неимением времени, желания или других причин. А между тем, именно в таких мелочах и скрываются ну если не потрясающие, то волнительные находки, из которых можно понять о прошедшем, почувствовать дуновение тех времён и знамён. Вот один из примеров: человек служил «помощником командира ТЩ-24 СТОФ». Всё просто – служил, ходил, воевал. Но ведь история не запомнила этот тральщик в войне с Японией и службе во флоте СССР. Но как же так? Ведь люди защищали на нём Родину, воевали в двух войнах, а корабля такого не было. Мне найти его не пришлось. Но сотрудникам Районного краеведческого музея имени Н.К.Бошняка Советско-Гаванского муниципального района и, в частности, А. Н. Сесёлкину удалось выяснить откуда и каким образом он появился. А ведь в официальной хронике этот тральщик, в составе Тихоокеанского флота официально появится лишь в шестидесятых годах. А на другом краю земли, в Калининграде, есть уникальный исторический форпост страны – Музей Мирового океана. Мировая сокровищница знаний и воспоминаний. Наверное, только истёртые палубы уникальнейших и единственных в мире судов, да пустеющий кошелёк, могут сказать сколько месяцев проведено в его стенах и просторах по изучению жизни рыбацкой, людей и мест с нею связанной.

Очень неожиданными в помощи оказались письма Губернатора Сахалинской области В.И.Лимаренко и Ронни Андерсена, геральдического консультанта, архивариуса Национального архива Дании, быстро и оперативно ответившим на мои вопросы.

А помощь администрации Национального академического оркестра народных инструментов России имени Н. П. Осипова, в том числе В. И. Сергеева и Председателя Координационного совета организации российских соотечественников Республики Маврикий Богачевой Ольги просто неоценима.

Раскрыли закрытые странички Японии Алла Козбенко, простой офис-менеджер Представительства «Хитачи, Лтд.» в городе Москве, а сотрудники Мамоновского городского музея и бывшие работницы Мамоновского консервного завода Хвашенко В. Д. и Песина В. С. в городе Мамоново.

Большая благодарность капитану первого ранга Сажаеву М. И. – начальнику кафедры кораблеводства в ТОВВМУ им. С. О. Макарова, В.М.Ушакову – ответственному секретарю Совета Ассоциации общественных организаций ветеранов ВМФ, редакции газеты «Боевая вахта» и «Красная звезда».

Низкий благодарный поклон сотрудникам Государственного архива Калининградской области и особо Главному архивисту Чекиной Светлане Евгеньевне, которая путеводной звездой вела меня в поисках больше двух лет.

Нет слов высказать своё безграничное «Спасибо» сотрудникам Министерства иностранных дел Российской Федерации. Особо сотрудникам Архива внешней политики России А. Залеевой и М. Шишмаревой; Генеральному директору АО РПК «РыбФлот ФОР» В. А. Серенкову и его сотрудникам; Главному инспектору Государственного портового надзора Колесникову В. Н.

Встаю в память о безвременно ушедшем от нас Докторе Щербине Василии Васильевиче – человеку, влюблённому в Советскую Гавань и оставившему мне маленькую толику книг и альбомов, памяти и воспоминаний об этом удивительном крае, которому он посвятил лучшую часть жизни.

Калпинскому Михаилу Юрьевичу и Богатырёву Алексею Ивановичу, изменившим вектор знаний в самый заключительный момент написания книги.

Камсину Николаю Владимировичу, Сергею Николаевичу Абрамову, Гайдаченко Михаилу Спиридоновичу и другим, пожелавшим остаться неизвестными, людям различных судеб, служб и направлений.

Все эти люди мне очень помогли. Именно благодаря им получилось восстановить жизненный путь Л... са Михаила Михайловича.

И знаете, это получилось бы замечательная документальная повесть о человеке, сделавшем не мало для нашей, Калининградской области, для рыболовецкого флота, для страны. Талантливый во многих направлениях Л... с смог обучить и подготовить большое количество специалистов, воспитать людей. На этом тоже можно было бы поставить точку. Но жизнь всегда оказывается богаче планов. Непредсказуема и удивительна.

Случайно участвуя в одном литературном конкурсе, увидел в списке состава жюри фамилию моего героя. Сначала даже не придал этому значения, а потом, чтобы не было вопросов, в первую очередь, к самому себе, по уже сложившейся привычке проверять даже самое фантастическое предположение, нашёл телефон и позвонил...

Так я познакомился с его сыновьями. Это было, как открытие новой звезды. Был ошарашен и растерян. В таком состоянии мы и встретились. Потом сидя в кафе, они слушали мой сбивчивый рассказ об их отце. Переглядывались между собой. Спрашивали. Рассказывали. Итогом встречи для меня стало обладание несколькими папками пожелтевших листков бумаги и семейных фотографий. Скажу, что несколько месяцев моей жизни растворились в письмах и записях Михаила Михайловича сохранённых его любимой супругой. Пришлось переделать всё, что было написано ранее. Скомканными листами почти готовой книги ушли в корзину строчки об отважном капитане, этаким железным и мудрым былинным героем морских просторов. Алмаз засиял новой гранью. За крепостью его граней появился человек. Романтичный, влюблённый, талантливый, любящий, переживающий, ищущий, страдающий. Разрывающийся между семьёй и морем, долгом и любовью.

Сложно и порой невозможно найти его имя в событиях и свершениях страны. Из скромности. Из пучин истории. Посмотрите на жизнь человека с высот свершений и жизни страны. Ведь лишь связав его имя с событиями, происходящими в стране, соприкоснуться с делами окружающих его, можно нащупать неслышный пульс его жизни, слившийся с мощными ударами сердца Родины. И сейчас у Вас есть беспрецедентная возможность взглянуть на мир и историю глазами этого человека.

А потом началась война

В то утро всё было, как всегда.

Как всегда, во Владивостоке.

Как всегда, в стране.

Трамваи, машины, люди, военные.

Всё двигалось и жило.

Только совсем, совсем незаметно движение военных ускорилось. Фуражки замелькали, заполнили общественный транспорт, ниточки слились в потоки, устремившиеся к причалам и кораблям. Окутанные клубами чёрного, вызывающего кашель угольного дыма, один за другим, отталкиваясь матросскими ботинками, они неторопливо отходили от причальной стенки.

Вечером ожил громкоговоритель на здании краевого комитета партии собирая людей. Заполняя улицу. Останавливая машины.

Эхом по городу.

В каждое сердце.

Война!

Враг будет разбит.

Победа будет за нами!

В городе вроде ничего и не изменилось. Но появилось какое-то новое напряжение и облегчение. Ушло на задний план, рухнуло, исчезло незримо висевшее грязным, тревожным, пылевым столбом постоянное ожидание войны. после озера Хасан, после Халхин-Гола, после постоянных угроз и слухов.

Войну здесь ждали, уже не боялись, ещё готовились.

Устали бояться.

Почти десять лет ожидания.

Устанешь тут. Япония, под боком, чуток больше ста километров. Германия далеко, а безжалостный, давний враг уже и ещё тут, совсем рядышком. Давно. И иллюзий на его счёт – никаких. Да они-то не очень и скрывали, что будет и как. Но тут не стреляли. Во всяком случае пока... а там...

Окна настороженно и тревожно засветились бумажными лентами. По диагонали. Из угла в угол. Косыми крестами. Чтобы целей были.

Очереди.

Очереди.

Очереди.

В магазины за солью, продуктами, спичками.

За всем, что есть, что осталось, что можно взять, не вызывая паники и не привлекая внимания.

В сберкассы за деньгами.

В военкоматы за повестками.

В больницы на сдачу крови бойцам непобедимой Красной Армии...

А город живёт.

Обезлюдел, но живёт.

Город дышит.

Газеты.

Газеты выхватываются из киосков и читаются, и передаются, и вслух.

Новости. О Западе.

Новости. О Востоке.

А между страниц, в сбившихся в кучках, в голос:

– Надерём фашистам задницы!

– Победим!

– Разобьём!

А между страниц, шелестом, шипящей змеей, мерзким холодом по спине:

– А японцы-то наступают...

– Железку перерезали...

– Хабаровск уже всё...
– Мы тут никому не нужны...
– Бросили япошкам на растерзание...
– Скоро и к нам, к городу подойдут...
– Не на кого надеяться...
Месяц тревог, ожиданий и сводок, сводок, сводок...
Далека Москва...
Далека война...
Немцы там... Где-то там.
А у нас тут своя война закипает. С японцами.
Может и пронесёт...
А может и нет.
Кипит.
Клокочет город.

И слухи. Слухи. Слухи. Как молния. Да наотмашь. Да по сердцам. Владивосток он город-то маленький. А верить-то кому?!

А может обойдётся и всё закончится завтра? Или после завтра? А? Ну вдруг!

А пока, из опыта жизни, на огороды. Кто знает, как сложится, а в рот положить надо всегда. Голод уже проходили. На огороды! Когда земля под ногами и тут – спокойней. Родная земля не даст сгинуть. Поможет. Поддержит.

Война пришла в город паровозным гудком, разрывающим дремучее утро не проснувшегося города.

Мужчины уезжали в теплушках на запад...

К Москве...

Добровольцами...

Пусть не много. По непонятным-понятным причинам немного, но ехали. Далека она, но сердцем бьётся, пульсирует, стучится и грохочет. Рядом. И как остаться в такое время дома, когда каждый день сводки... Когда гибнут города. Кварталами и километрами. Когда гибнут люди. Когда гудит, горит и дрожит земля. Русская земля.

Сердце рвалось на фронт, а в военкомате отправили домой. Но когда это останавливало мальчишек? Повзрослевших теми самыми репродукторами, паровозами уносящих отцов и братьев вереницей бесконечных вагонов на войну. Пацанов с горящими глазами кто остановит? Когда страна в войне? Когда кажется, что без тебя ничего не получится, когда победа это ты, когда всё может закончиться без тебя, а ты и не успеешь...

А мать нашла. Совсем случайно. Мешок. Уже почти собранный в дорогу. Села на табурет обхватив собранное руками и заплакала. Тихо так. Вздрагивая волнами. Пряча мокрое лицо в ладонях.

– За что!? Сынок! За что?!

А успокоить никак. Отбросила мешок к стене. Схватила руками до боли, до сердца.

– За что! И мне как быть? Как-одной-то остаться? Совсем?!

И тихо, из груди:

– Как отец...

И тише дыхания:

– Дурачок...

А потом разговор с бабушкой.

А потом с мамой и бабушкой.

Да, что они понимают!?

Женщины!

А назавтра всё разрешил райком комсомола.

Нашли и вызвали. Вручили направление, дали три дня на сборы, завершение всех дел и документов в техникуме. И в путь.

Военно-морской путь.

Первый секретарь райкома комсомола нашёл время, пожал руку и обращаясь совсем повзрослому:

– Михал Михалыч! Начинается твой путь по защите нашей Советской Родины. Ты не смотри, что у нас не стреляют. Это сегодня. А завтра тебе и твоим друзьям придётся защищать город и страну. У нас война началась намного раньше – Япония под боком давненько на нас зубы точит. Но мы были готовы. А сейчас многие под Москвой бьются с фашистами. Маловато нас тут осталось. Поэтому твоя главная задача выучиться так, чтобы ты мог защитить свой край и страну! Я тебя знаю не первый день и верю, что ты меня не подведёшь...

И как бы про себя:

– Только быстрее учись...

Вот и мешок пригодился.

Три дня пролетели и всё.

Где уж то детство?!

Куда ушло?

И на относительную радость матери четвёртый день встретил остриженной под ноль головой и курсантской формой военного морского училища Владивостока.

А училище встретило молча. Ударив в глаза огромными буквами на стене, произнесёнными полвека назад: «ПОМНИ ВОЙНУ».

И чуть позже: Приказом начальника Тихоокеанского флота номер сто сорок четыре от двадцать шестого июля тысяча девятьсот сорок первого года зачислить Л...са Михаила Михайловича курсантом Владивостокского Высшего Военно-Морского училища.

Флот войну помнил.

Особенно ту, с Японией. Рубцом по сердцу. С ладонь. Преподаватели вспоминали и предостерегали: «Помните войну!». А чтобы лучше помнили – гоняли как в последний раз. Учили, учили и учили. А между днями, часами, минутами обучения – сводки, сводки, сводки. А ещё готовность. Постоянная – ехать, лететь, идти, бежать – воевать! Двочников не было. Учились днём. Учились ночью. А он ещё выкраивал время на спорт. Бегал и прыгал. В футбол, баскетбол, теннис. Всё что могло пригодится – тренировался и развивался. Ждал и горел каждую минуту: «На фронт»!

– Курсант! Вы почему почти не отдыхаете?!

– Солдат должен быть готов к бою всегда. А матрос-краснофлотец вдвойне, товарищ капитан второго ранга!

– Вы так загоняете себя...

– Никак нет. Тяжело в учении легко в бою.

– Ты это брось. Лучше ответь: где ты видишь себя в будущем? Не думал?

– Алексей Алексеевич! Хочу на фронт! Хочу воевать!

– Не торопи. Ещё повоюешь. В этих морях, и твои дороги, и твоя война. Ещё повоюешь... Завтра твой первый учебно-боевой выход. Иди отдыхай. А по возвращению будем рассматривать твою кандидатуру на приём в партию. Иди и отдыхай. На сегодня всё!

А как можно лежать. Как можно спокойно ходить, когда фашист топчет землю. Когда похоронки идут и идут... Маму давно не видел, а когда? День в учёбе. Спорт. Два раза в неделю – работа на укрепрайоне. Копать и колотить. Ещё таскать. Укреплять... И снова и снова без ног. До подъёма... А им тяжело. Работают. Еды мало. Паёк для работающего совсем чуть-чуть... Если бы не огород, не запасы, то... а в Ленинграде как? Как там люди, в блокаде? Много наших ушло туда, на Ладугу. Там нужнее... Завтра на корабль. Страшновато. Всякое

рассказывают. Ну, ничего. Дед, как говорил: «Не зайдя в воду плавать не научишься». А дед он знал... Геройский дед... Завтра увидим...

Эшелоны идут на запад.

Москва в опасности.

– Товарищ капитан второго ранга! Товарищ Поскотинов! Алексей Алексеевич! Разрешите подать рапорт!

– О чём, Михаил?

– Рапорт о направлении меня на фронт. В действующую армию.

Начальник училища, бывший командир подводной лодки Тихоокеанского флота, получивший за что-то секретное и государственное орден Ленина в сейчас уже далёком тридцать пятом году, окинул хмурым взглядом молодого и юного курсанта, подошёл к дежурному офицеру:

– Командуйте общий сбор на плацу. Всех!

И уже через полчаса, стоя перед застывшими рядами курсантов, рубил. Кусками. Словами. Словно мокрый канат. Шашкой.

– Тяжело! Тяжело стране. Тяжело людям. Тяжело Москве. Всем сейчас тяжело! Для тех, кто не понимает или не хочет понимать, говорю так: любой рапорт от курсанта, либо преподавателя, с просьбой направить на фронт, лично мной, будет расцениваться как дезертирство! Не понимать, что здесь и именно здесь тоже идёт война – это преступление. И может быть именно от нас с вами сейчас и зависит судьба страны. Выстоим тут – выстоим и там. Наберитесь терпения и мужества. Учитесь. Учитесь, как можно быстрее. Завтра. Уже завтра будут нужны новые командиры. И это будете вы. Флот, страна ждёт командиров, а не сопливых юнцов! Войны хватит на всех! А сейчас учитесь побеждать! Победа будет за нами. Враг будет разбит. Разойтись...

И пошёл писать очередной рапорт о направлении его на родной Черноморский флот. В Севастополь. На передовую...

Практика

Словно первая любовь.

В нежности и треволнениях. Первый выход в море.

Такие даты не забываются.

Шестое июня сорок второго года.

Триста пятидесятый день войны...

Триста пятьдесят дней внутренних переживаний и липкого ощущения...

А сейчас идут бои за Севастополь...

Севастополь! Вот где должен быть! А не тут! Но сегодня для курсантов первый выход в море на сторожевом корабле «Партизан»!!! Пряча глаза от выдавших и перевидавших морских, с улыбкой глаз, смотрящих на их тщетные попытки скрыть происходящее внутри.

Говорят, в первые дни очень сильно укачивает. Ходить не могут. А для того, чтобы стать офицером. Чтобы стать командиром, которого будут не просто слушаться, а и уважать, нужно пройти по всем ступенькам длинной морской лестницы. От матроса до повезёт. Флот много видел талантливых и умных, а до вершин поднялись не многие – удачливые. Кто знает где и как будет служба? Посмотрим. А пока – матросом, как и другие, заступил на свою первую боевую вахту...

Месяц на «Партизане» и оказалось, что со здоровьем всё нормально. Но не у всех. Об этом неохотно вспоминается, но он оказался чуть ли не единственным кого не укачало первой бортовой качкой. Немного не привычно постоянно находиться в замкнутом пространстве, качающимся из стороны в сторону, поднимающимся и опускающимся, но попривыкли. И теперь несказанно горды тем, что за месяц прошли свои первые, почти две тысячи морских миль!

Хоть «Партизан» – это старенькое гидрологическое судно, но команда на нём хорошая. Опытная. Приняли серьёзно. По-отечески. И потому, когда пришлось перейти на «Зенит» – корабль противовоздушной обороны Амурской Краснознамённой военной флотилии, а по простому АКВФ, было уже немного грустно. Расставаться всегда волнительно. Ты ещё тут, а мысли уже впереди. Там, где новые знакомства и впечатления. Новый опыт и очень интересный корабль.

Фактически плавающая баржа с пулемётами. И очень напоминает пароход из кинофильма «Волга-Волга». На угле и с колёсами по бокам. Пообещали, что это ненадолго и после завтра (если всё будет хорошо) переведут на другой корабль, менее древний – монитор «Сун-Ят-Сен». По-простому – канонерскую лодку «Шквал». С небольшой осадкой, с пушками Виккерса и «Эрликонами». С почти новыми пулемётами ДШК, сменившими «Максимы». С дизельными и паровыми двигателями. А так, воевать нужно учиться и на крейсере, и на катере, и на бревне. Главное бить и уничтожать врага. А наша страна, наши люди не раз доказали, что нападать на нас могут только совсем не умные люди. Русские всегда и всех побеждали и победят. Многим вражинам казалось, что уже победили, но российские полководцы выбирался немыслимый путь, фантокосмическое решение, противоречащее всему мировому опыту войн. И оно в итоге оказывалось самым верным и единственно ведущим к победе. Это потому, что русским всё равно на чём и чем воевать. Задача уничтожить врага поставлена – значит должна быть выполнена. И кто поставил эту задачу – командир или сам – не важно. Говорят один в поле не воин... А как русский может быть один в поле если он с полем? Если сама русская земля встаёт на защиту? Пока мы русские – мы непобедимы! И даже когда в бою остаётся одна рука – она должна найти и задушить врага. Очень многие пытающиеся поставить на колени русскую сторону разбивались о её постоянно возникающее и побеждающее их оружие. То которого не ждали. То, о котором не ведали. Русские хранили и хранят этот секрет

веками своей жизни. Хотя как хранят!? Их секретное оружие это земля и дети его – русские. Брось жёлудь в землю и пойдёт расти, вверх, к солнцу – знамени русских. И смотришь – там, где было поле – дубовая роща, лес, океан. Зайдёт враг да закружат его дубы великаны и смерть он там свою примет, а своего убаюкают, накормят, схоронят от чужого взора, да спать уложат, оберегая от напастей. Секрет в том, что, бросая вызов русским – вызываешь на бой солнце, землю и ветер. Изначально определяя себя на поражение, а пока...

И слезы у репродуктора: От Советского информбюро – ... после восьмимесячной обороны наши войска оставили город Севастополь...

Кто остановит слёзы моряка!?

За спиной почти два месяца путей. На мониторе четыреста миль.

Заканчиваются летние странствия и многия науки. Увидели не мало. Но главное, самое главное курсанты стали маленькими шестерёнками в большом механизме страны. Теперь точно знающими, что не просто учатся, а уже могут достойно встретить врага. И это наполняет уверенностью и силой! Желанием бросить всё и ехать туда, где идут бои...

Партия

Вопрос о вступлении в партию не стоял.

Сколько книг, статей читано-перечитано. Обсужденно до хрипоты, до срыва голоса в вечерних и ночных баталиях в кубрике с ребятами.

Оглянувшись назад, сразу становится понятным, что путь предопределён. Словно по пути отца. По пути, который прервал чей-то выстрел в спину.

И вот теперь сын идёт вперёд. Идёт за двоих.

И на вопрос секретаря парткома:

– Товарищ курсант! А зачем Вам партия?

Ответил:

– С самого детства готовил себя для того, чтобы продолжить дело отца. Чтобы служить Родине. И не просто человеком, а коммунистом!

Да, впрочем, и вопросов практически не задавали – за два года в училище изучили – не подведёт. Как думает, так и говорит. И если сказал, что хочет, то не примазывается, а решил посвятить себя делу служению людям и стране. На передовой...

– Принять Л....а Михаила Михайловича, кандидатом в члены Коммунистической партии Советского Союза!

С горящим от волнения лицом, сдерживая себя, вышел в коридор. К товарищам уже принятым и ждущим своей очереди. С места подпрыгнул вверх, перевернулся через голову, стал на ноги и прокричал:

– Уууураааа!

Теперь – коммунист! А значит, что то, что делал отец, мать – не пропали даром. Теперь он в одном ряду с ними. Не сынок, а такой же боец как они. И пусть отца нет он всегда рядом и теперь он и именно он Михаил Л....с в строю. За дело Ленина и Сталина. Теперь они вместе как никогда. Хоть и кандидат...

Аргунь

Август сорок третьего.

До чего же тянется время за партами.

Четыреста десятый день войны. Фашисты под Сталинградом.

А тут практика в охране водного района Тихоокеанского флота. На быстроходном тральщике «Парован», который подарил ещё три тысячи миль за полста суток!!!

Не отдыхали. Не до отдыха. Какой может быть отдых если сложная обстановка. И там, и тут. Там немцы, а здесь японцы. Не расслабишься. Учиться и учиться.

А научились многому.

Освоили тралы. Вот контактный трал К-1 может тралить фронт глубиной до двадцати метров и шириной до двухсот. Со скоростью двадцать два узла!!! Он нравится больше змейкового, хотя змейковый может обозначить протраленные полосы, но медленно идёт. Но это по обстановке.

На Аргуне хочется научиться чего-нибудь ещё.

Может всё же получится ещё поехать на войну! Принести пользу Родине. Советскому Союзу! Да и понять себя. И даже зная, что способен, но одно дело думать, а другое знать. Хочется знать, что всё что сделал, делаю и сделаю – не зря...

Пошли.

И всё уже за спиной.

Впереди Владивосток и переход на минзаг «Аргунь».

Вперёд, товарищи курсанты!

Вперёд Михаил!

На Аргунь!

На тот самый, что был английским пароходом, а стал гордостью Тихоокеанского флота.

Старый добрый минный заградитель «Аргунь».

Или «Серго Орджоникидзе»?

Или «Амур»?

История большая и тут кто как помнит, так и зовёт. Старые и опытные, между собой, звали по-простому: «Серго».

Стоит у причала, пытит своей трубой, насыщая и подкрашивая добрым угольным смрадом, ползущий по причалу, прячущийся в наступающей ночи, туман. Блестит рельсами на палубе, указывая курсантам дорогу. Направляя.

Капитан второго ранга Тулин хмуро посмотрел на курсантов. Словно холодным молотом. Спасибо ледяному ветру – согрел. Здесь, на причале, у корабля, теплее было согреться именно этим ледяным ветром. Не так он и страшен этот ветер. Рвёт себе по чуть-чуть и рвёт. Выскивает, как подобраться поближе к сердцу, остудить. Командир страшнее. Смотрит льдинками глаз. Но кому капитан второго ранга. Кому командир. Кому Валериан Иванович. А кому, ну тем, что ходят на «Серго», запросто – Иваныч.

Командир на корабле и царь, и бог, и мама, и папа. Да и друг и товарищ тоже. Тут как сложится. Особенно в море. Там он не только командир – там он всё вместе.

– Разобрать по командам. Начать загрузку снаряжения. Выдать курсантам рукавицы, а то без рук останутся. Возиться ещё потом... Совсем молодые пескаррики... Совсем...

А грузить ящики со снарядами, под пробивающим шинель ветром, не сложно. Подхватил и к кораблю. Главное не попасть между бортами. Не подскользнуться. Успеть перекинуть на палубу, пока она не взмыла вверх с гулким ударом, и о стенку причала, щелчком и ухнула фонтаном брызг в лицо. Передать в другие руки.

– Быстрее салажата! Быстрее! – старший на погрузке матрос в возрасте, как отец. И возрастом, и жизнью.

А когда ящики и мешки закончились, скомандовал:

– Бегом на корабль, в салон греться!

Подумаешь салон! Ничего особенного.

Длинный, словно на свадьбе стол. С табуретами по бокам. Лишь один по середине, во главе стола. Командира. Это его. Единственный табурет, который занимать нельзя. Никому, никогда, ни при каких обстоятельствах и событиях.

– А то, сразу за борт. Чтоб неповадно было. Понятно караси?!

А чего тут не понять? На флоте надо всё быстро усваивать. Здесь времени на раскачку не дают. Раскачка и промедление – это смерть в бою, в море, в жизни.

Пока размещались по кубрикам, подоспело время покушать. Раскидали на спичках – кому первому идти на камбуз. Бачковая система питания заградителя – это получение каждым кубриком, спрятавшим в себя шестерых курсантов, да и не только курсантов, бачкового питания. Это когда избранный берёт на камбузе еду в бачок и несёт в кубрик. Там и кушают. Ресторанов в море нету. И не обязательно шести – может и десяти. Как получится. У команды также, но по-другому. Длинный стол. Стулья. Самый молодой с краю – он раздающий пищу из такого же бачка. А тут, вроде и молодые и тут же командиры. Как смотреть. И «карасями» не назвать не окликнуть. Матросы и не матросы. Командиры и не командиры. Чтобы не нарваться на неприятности – пусть в кубриках кушают. Так всем спокойней. Но всё же: а почему бы и не со всеми?! Еда на корабле у всех одна. Если на первое вода с капустой квашеной – так на всех. Если на второе жареная квашенная капуста без воды – так на всех. А если на третье вода без квашенной капусты – то коку каюк. Паачему без капусты! Опасней профессии кока на корабле нет и не будет. Он не сапёр, не минёр – тем можно один раз ошибиться, а тут нельзя. Одно неловкое движение, открыл не ту страницу в справочнике, и ты уже приманка для акул и прочей прожорливой морской живности.

– Не забудьте помыть посуду и не вздумайте оставлять на потом. Если не съедите сразу, то всё оставшееся – за борт!

Предупредили, но не пояснили.

А горячий чай, в прикуску с сахаром, огнём по телу. Самое то. Но кончился быстро. Матрос в фартуке взял чайник, открыл крышку, заглянул внутрь, цокнул языком и протянув одному из курсантов:

– Не в службу, а в дружбу. Сбегай на клотик за кипятком, а я пока заварочки принесу. Тот схватил чайник и побежал. А когда за ним закрылась дверь, раздался смех:

– Ты чего над молодыми издеваешься?

– Да пусть побегаёт. Курсант! Учиться надо, а не штаны за партой тереть. Пусть!

И в хохот. Молодые, они, совсем не знают, что клотик – это верхушка мачты. Так что побегаёт, пока дойдёт, где и что. Через это многие прошли и пройдут – матчасть учить надо! Вот только это не первый их поход и напильниками затачивать якоря уже научены...

А минут через десять. С чайником, пыхтящим недовольными парами воды:

– Вот. Принёс. Не шибко горячий, но разливной на клотике сказали, что вам и такой сойдёт. А погорячей они попозже занесёт, в своей посуде.

Посмеялись и забыли.

Вспомнили чуть позже. На построении. Помянув курсантика крепким солёным словцом. Разливным оказался командир корабля, случайно поймавший метавшегося по палубе в поисках кипятка курсанта. Согрел водичку ему – для чайку, для экипажа. Командир тоже был молодым, а потому и шутить умеет согласно пройденных миль и ранга.

А выход в ночь.

– Чтобы ни у кого не было иллюзий, я имею в виду курсантов – каждый выход у нас боевой, и вы сейчас уже стали частью корабля. Вы уже что-то видели, узнали. И сейчас будете учиться, но знайте, что может быть именно от вас зависит, сможем ли мы выполнить поставленную задачу и вернуться на базу. Тяжело на западе. Но у нас тоже фронт. Пусть не слышно выстрелов, и никто не идёт в атаку. И может быть от нас и зависит состояние дел на западном фронте. Польшнуть может и здесь, в любую секунду. У нас. Только совсем недавно, вы знаете, торпедированы и затонули мирные советские суда «Кола», «Обь», «Белоруссия» и «Ильмень». Японцы тут могут оказаться куда посерьёзней фрицев. Вспомните, что они сделали с американцами на Гавайях два года назад. А американцы не дети и их корабли, и вооружение посильнее и побольше будет наших. Поэтому помните – что каждый из вас вносит свой вклад в победу над врагом. На корабле нет курсантов, нет учеников. Вы матросы. Вы бойцы такие же, как мы все, в том числе и я. Всем всё понятно?!

И не дождавшись ответа громко:

– По местам! Старшинам разобрать курсантов. Приступить к учёбе по номерам! Чтобы к отходу знали и головой, и руками. И без глаз.

И тихо, слышимо лишь стоящим рядом офицерам:

– Пыль береговая.

Разбились по вахтам. А там кто спать, кто в штурманскую рубку. Всё, как в училище: курс, нахождение, прокладка, мины...

Только качает слегка, да подрагивает.

И завтра снова за парты...

А хочется здесь.

Тут время другое, быстрое.

Владивосток

ТОФ

Минный заградитель «Аргунь»

А «Парован» был интересней со всех сторон.

Более современный, что ли.

Да и отношение команды совсем другое. Отечественное, скорее, чем... На «Серго» считали курсантов совсем детьми.

Но за тридцать дней прошли семьсот миль.

Протралили очень много. Медленно. Освоили кошковый трал. Трал Шульца. А кошковый – потому что на него цепляли целую уйму трёхпалых железных кошек, а не отловленных на берегу.

Выловили несколько мин. Японских. Уничтожили.

Стоим у причала.

Дома.

Завтра уходим в училище.

Подлодка

Уже ноябрь сорок четвёртого.

Война заканчивается, а на плечах всё та же курсантская форма, а в сердце не отданный долг за Родину и чьё-то неуёмное желание лишить курсанта Мишу свежего морского солёного обжигающего воздуха. Загнать его с просторов безбрежного океана в железную банку подводной лодки. И загнал. Через медицинскую комиссию, которая сказала – «Годен» и дала билет в порт Находка, в одиннадцатый дивизион подводных лодок, первой отдельной дивизии подводных лодок Тихоокеанского флота на подводную лодку «Щ-126».

Ну, что?! Теперь осталось только на самолёте полетать.

По суше ездил. По морю ходил. В океане нырял.

Всё!

Всё попробовал!

Пришло то время, когда человек – сам себе горжусь и боюсь.

Шутка ли – двадцать один день на подводной лодке! 1800 миль пройдено. Из них почти четыреста под водой!

Интересно. Даже очень!

Словно капитан Немо. Шарохаешься не знамо где, под водой, с незатухающей мыслью и желанием узнать, кому в голову пришло туда его отправить.

Днём ныряли и шли под водой, ночью всплывали подышать.

В первый же день, когда нырнули, крестили в подводники. Дали выпить морской воды с запахом и вкусом солярки. Препротивнейшее питьё.

Хоть и под водой не качает, но вырвало.

А так всё здорово, подводник Михаил!

Спать после вахты можно. Где хочешь там и спи. Вернее, где найдёшь угол.

Тесно.

Удовольствия постоянно биться головой, ногами о разные выступы в тесноте – мало.

Из развлечений – шашки да шахматы.

Хочется побегать, а сидишь и слушаешь, как где-то, что-то пищит, скрипит, шуршит, гудит.

Служба устроена так, что всех на лодке и не видишь. Как в большом городе – даже не встретиться. Одни спят, другие несут вахту. Сорок человек, а встречаются все вместе только перед отходом и по приходу. Тут даже места для уборки и обслуживания закреплены за каждым. От начала до конца похода. Это значит, что, если тебе поручили натирать до блеска бронзовый поручень, так ты его и будешь всё время доводить до сияющего состояния. Про галльон лучше не думать. Хорошо если достался кубрик. А ведь по-разному попадается.

Практически вся лодка в масле. Поручни жирные. На полу доски, потому нормально, не скользко.

Тут есть матросы, так он в три раза больше худого курсанта, а внутри просто скользят ничем не цепляясь. Легко. Кажется, что завяжи ему глаза или выключи свет, так он и в этих условиях ничего не зацепит и не перепутает. А так и есть ведь. А доктор всё время ходит в перчатках. Пугающе не снимает.

Кормят нормально.

В галльон без инструкции не сходить. Поначалу. Дышать и без него сложно. Ошибёшься с педальками и уже не отмоешься. Целая наука.

Два раза стрельнули торпедами. Очень здорово. Просто замечательно. Ещё замечательней, то, что не уходили на полную стометровую глубину и на все допустимые двадцать суток. Под водой хорошо, конечно, и не качает, но только высунув нос из подлодки понимаешь, что

воздух-то оказывается вкусный и сладкий. И густой, как сметана. Вылезут матросы в люки и сидят, зажмурившись на палубе мартовскими котами – кушают свежесть моря.

Ну её эту замкнутую романтику! Теперь его ни за какие коврижки не заманят лезть туда ещё раз. Вот на эсминце «Ревностном» – семьдесят суток в море-окиане и три тысячи миль! Быстро. Просторно. Чуть-чуть и дома. Перед Новым годом должно состояться заседание бюро парторганизации – будет решаться дальнейшая судьба...

Сорок пятый

К партийному собранию и готовился и не готовился.

Много всего на душе. Много узнано и испытано.

А в груди какая-то пустошь. Горечь чего-то не выполненного и неисполненного. В бессонных ночах и само изнуряющих буднях. Кто бы знал, как рвалось сердце, и душа на фронт и вот фашистов уже добивают, а он тут, в глубоком тылу. И чтобы не говорили начальники и родные – тяжело.

А собрание началось с выступления парторга курса Карпичева:

– Курсант Л....с Михаил Михайлович, тысяча девятьсот двадцать третьего года рождения, член ВКПБ с декабря сорок четвёртого года, еврей, состоит на учёте парторганизации четвёртого курса Тихоокеанского Высшего Военно-Морского училища. Делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине предан. Два года работал младшим командиром и со своими обязанностями справился хорошо. Партийные задания выполняет периодические: проводил политзанятия с добровольцами, беседы с курсантами; сейчас – член редколлегии стенной газеты. Активный участник физкультурной работы. Дисциплина отличная. Партийных взысканий не имеет. Взаимоотношения с товарищами хорошие, пользуется авторитетом. Успеваемость в учёбе хорошая. Политическая подготовка хорошая, газеты читает регулярно. Устав ВКПБ знает и выполняет точно. Читает много художественной литературы.

– Товарищ младший лейтенант, а как отнеслись товарищи Михаила ко вступлению в ряды нашей партии?

– Очень хорошо, товарищ капитан третьего ранга. Очень. Парт характеристика обсуждена на заседании партбюро парторганизации четвёртого курса училища двадцать восьмого февраля сорок пятого года. За него проголосовали единогласно. А говорили только хорошее. Из недостатков – на фронт рвётся. Но ведь мы тут все... хотим бить фашистов...

– Это конечно хорошо, что рвётся на фронт. Очень. Но сейчас не смотря на все наши победы на Западе, внимание сосредоточено на Востоке. Грядёт война тут! Все вы знаете, что руководители трёх Великих Держав – Сталин, Рузвельт, Черчилль – на встрече в Ялте, решили, что через два-три месяца после капитуляции Германии и окончания войны в Европе Советский Союз вступит в войну против Японии на стороне Союзников. Великий и мудрый вождь нашей страны товарищ Сталин поставил неременное условие на этой встрече о восстановлении границ страны и возврату территорий России подло отобранными Японией в девятьсот четвёртом году. А это значит, что нам придётся возвращать южный Сахалин со всеми острова примыкающими к нему, а также всех островов Курильской гряды. А японцы миром их не отдадут. Вы посмотрите какую армию они собрали здесь! Китай под японским игом стонет! Хочется нам того или нет – придётся отвоёвывать свою землю обратно, или мы не русские?! И ведь с этим согласились и Англия, и Америка. Так что не зря мы вас готовили. Понятно Вам?!

– Так точно!

– Что скажет начальник курса?! Капитан-лейтенант Бурак, Вам слово!

– Товарищи члены партийной комиссии, товарищи офицеры! Курсант за время пребывания в ТОВВМУ показал себя преданным делу партии Ленина-Сталина и Социалистической Родине. Обязанности, взятые в военной присяге, выполняет хорошо. Морально устойчив, бдителен, военную тайну хранить умеет. В партийной и общественной жизни курса активен, отлично дисциплинирован. Организаторские способности хорошие. В отношении со старшими по службе и званию выдержан и тактичен. На первом курсе был назначен командиром отделения. На втором помощником командира взвода. Показал хорошие командирские качества, требовательным к себе и подчинённым. Культурен. Внешне подтянут. Состояние здоровья и физическое развитие хорошее. Личная тактическая и специальная подготовка удовлетвори-

тельная. Свои знания и навыки передавать подчинённым умеет. Марксистско-ленинская подготовка хорошая. Шлюпкой и моторным катером управляет хорошо. Морские качества хорошие, при качке не укачивается. Море и флот любит, в походной жизни вынослив. Общая успеваемость за период обучения в училище хорошая. Способности хорошие. Особые склонности проявил к штурманской специальности, а вот подводный флот не жалуется.

– Ну, это не страшно. Пусть служит на море! У Вас всё?

– Так точно.

– Ну, если больше вопросов нет, предлагаю проголосовать. Кто за то, чтобы принять в ряды Коммунистической партии Советского союза кандидата в члены партии Л. . . . а Михаила Михайловича, прошу проголосовать. . . . Единогласно! Поздравляю! Можете идти.

Принят в члены ВКПБ!

Славься Отечество наше свободное!

Вот только повоевать не получилось. Ни за Москву, ни за Ленинград. . .

Не повоевал. . .

А получилось, что, выходя на свежий воздух, чтобы полной грудью вдохнуть воздух, чтобы остыть от волнений знаменательного дня, он вышел в свою новую жизнь. И его война за свободу страны началась. Только не с немецкими фашистами, а с японскими. И не сказал секретарь партийной организации училища (может сам не знал), о том, что командованию, из Ставки Верховного Главнокомандующего поступила директива о порядке действий в случае нападения Японии. О том, что угроза захвата Дальнего Востока японцами вероятна как никогда. О том, что жизненно для страны необходимо не допустить вторжения японцев на территорию Советского Союза, высадки и укрепления его на побережье Татарского пролива и особенно в районе Советской Гавани, Охотского моря, острова Сахалин, полуострова Камчатка. . .

Не прошло и недели, и курсант, и коммунист назначен на должность помощника командира Морского Охотника МО-25 охраны водного района главной базы СТОФ, а ещё через неделю приказом Народного комиссара ВМФ Антонова ему присвоено звание «лейтенант». . .

Дети лейтенанта Шмидта

Двадцать девятое марта – Государственные экзамены.

Прошли обыденно, с элементами волнения, нахальства и восхищения.

А как не восхищаться, когда за одним, пусть и экзаменационным, столом сидят Осипов и Юмашев!

Начальник училища контр-адмирал Осипов и легендарный Юмашев, вступивший в ряды партии летом девятьсот восемнадцатого года и уже в девятнадцатом году направленный служить стране, на флот. Прошедшим путь от комендора до командующего Тихоокеанским флотом.

Получили дипломы.

Заслушали приказ о распределении.

И в путь. По уже своим морским дорогам жизни.

Расставались быстро.

Собирались ещё быстрее.

Вещей-то практически и нет.

Весточку маме.

Документы о назначении в карман.

Вот так из курсанта и стал командиром. Теперь уже немного осталось, и лейтенант Миша приступит к несению службы на Тихоокеанском флоте.

А сейчас построение. Перекличка.

– Бычковский!

– Я!

– Железняк!

– Я!

– Карагодин!

– Я!

– Ланской!

– Я!

– Л.....с!

– Я!

– Люлин!

– Я!

– Олюнин!

– Я!

– Поташов!

– Я!

– Смирнов!

– Я!

– Чёрный!

– Я!

Все на месте.

– Товарищ контр-адмирал! Группа курсантов в количестве десяти человек убывающая к месту назначения Советская Гавань построена.

– Ну, уже не курсанты, а офицеры флота Российского!

Напутственные слова и начальник училища жмёт руку.

Каждому.

Преподаватели и друзья. Все вместе. Ещё тут, а ты уже в пути. Стук сердца заглушает рёв машины. В кузове десять человек. И путь на Восток. Через ставшим родным причал.

На причале уже стонет канатами старый и добрый пароход «Лейтенант Шмидт» – рвётся в очередной поход.

Доложились вахтенному матросу. На берег по качающемуся мостику сошёл вахтенный офицер. Внимательно проверил все документы и дал «добро» к подъёму на корабль. Чуть позже всех разделили по тесным каютам. Пока устраивались, корабль качнулся, задрожал двигателями и глубоко вздохнув лёг на волну. Мимолётное ощущение невесомости, отрыва от палубы, а затем лёгкая дрожь, удар волной, лёгкие белые, словно шампанские брызги по лицам, угольный дым из трубы...

В путь.

Получается ждали только их – выпускников. Ещё через минуту зашёл старшина и раздал памятки по номерам. Здесь они хоть и пассажиры – но всё же одна команда, где каждый – маленькая часть большого и цельного. В море по-другому нельзя. Здесь все за одного. И до одного. А один иногда бывает и всё. Устав, написанный жизнью, помимо храбрости, долга, дисциплины, сохранности тайны, требует в совершенстве знать правил использования средств борьбы за живучесть и боевого расписания. Правильно организованный и обученный экипаж – это практически наверняка залог полной победы. Залог успеха в бою.

А он сразу пошёл из душной каюты на мостик. Поучиться, осмотреться, закрепить. А может сказать Владивостоку: «До свидания»?

Внутри много и всего. И волнения. И страхов. Как там, на новом месте? Без друзей? Без преподавателей? Без родных? Стучит, колотится сердце одиноким утёсом о набегающие волны.

Пятнадцатого апреля сорок пятого года и пароход «Лейтенант Шмидт».

Время прибытия в Совгавань – восемнадцатое апреля сорок пятого года.

А между ними – качка, духота кубрика, запрещённые для команды карты и сон.

Звучание Победы

Звуки мест и времён всегда разные.

Тревожные и гудящие, шумящие и смеющиеся, плачущие и вздыхающие.

Всегда разные.

Ко времени и так себе. Западающие в душу, переживающие или мелькнувшие неприметным, обыденным движением ресниц.

Иногда плывут грядой мелких, выпрыгивающих из тумана и серой хляби, островов, а бывает и скалой посреди спокойного океана, обласканного летним солнцем. Что-то эпохально, а что-то мимолётно. Что-то ярко и солнечно, что-то опадающими листьями, свистящей иголками льда зимы, и робким цветом пролесков просыпающейся жизни.

Эта весна, это лето сорок пятого принесло волнения, которых, казалось, и не переволновать.

Окончание училища – наконец. Волнения, радость, грусть расставанья, ожидание ожидаемого. Это апрель.

А май...

– Приказом командующего СТОФ назначить выпускника Владивостокского Военно-морского училища лейтенанта Л. М. М. со второго мая тысяча девятьсот сорок пятого года командиром БЧ-2 – помощником командира ТЩ-24 Николаевской-на-Амуре военно-морской базе с местом дислокации Советская Гавань...

Май – это наконец понятно и куда!

– Указом Президиума Верховного Совета СССР от восьмого мая сорок пятого года, в ознаменование победоносного завершения Великой Отечественной войны советского народа против немецко-фашистских захватчиков и одержанных исторических побед Красной Армии, увенчавшихся полным разгромом гитлеровской Германии, заявившей о безоговорочной капитуляции, установить, что девятое мая является днём всенародного торжества – ПРАЗДНИКОМ ПОБЕДЫ. девятое мая считать нерабочим днём...

Вот и всё! Праздник! Ура! Победа! Да почему же так горько в глубине души!? Почему так трепыхается сердце?! Стучит и рвётся от радости Победы, замирает и плачет от того, что оказался в стороне, от того, что всё закончилось и не смог, не получилось внести свой личный вклад в разгром фашистов...

Не рабочий день! Да кто будет работать, когда глаза не видят от слёз радости, когда руки дрожат от волнения, когда от счастья ушедшей беды кружится голова?! Когда все вышли на улицы, когда в каждом дворе, у школ, магазинов, да просто на улице – митинги, смех, плач, счастье... Не было таких дней. Каждый корабль, каждая казарма – митинги, песни, речи. Колонны. Знамена.

– Победил советский народ и его Красная Армия, осенённые знаменем великого Ленина, под руководством нашего вождя и полководца товарища Сталина.

– Гитлеровская Германия, поставлена на колени и ответит за все свои злодеяния.

– В этот час победы наши сердца обращаются к тому, кто привёл нас к этому торжеству, к любимому товарищу Сталину!

– Наше дело правое – мы и победили!

– Вдохнителю и организатору побед товарищу Сталину и в лице его всем доблестным воинам Красной Армии – наше «Ура»!

– Гениальному полководцу Маршалу Советского Союза товарищу Сталину – «Ура»!

– Да здравствует Красная армия!

– Да здравствует наша победа!

– Слава товарищу Сталину, слава Красной Армии, избавившей человечество от фашизма!

Море...

Океан, шумящий и ревущий. Смеха и радости. Рукоплесканий и речей...

Ночь пришла, а океан счастья шумел, веселился, пел, гулял. Небо полыхало от уже мирных сотен и тысяч сигнальных ракет освещая бушующие волны слёз Победы...

Нашей Победы!

Предчувствие

Прошли дни, недели, месяц праздника.

Ритм службы и жизни установился. Вернулся в повседневные будни. В рутину. В порядок. Привычку. В скуку и разочарование. В непричастность. Вроде должно растаять, раствориться, а нет – жжёт и рвёт. Мысль о большой земле. Рано или поздно придётся ехать на запад и там спросят: «А что ты сделал для Победы!? Где ты был, когда нас убивали фашисты?!». И ещё много и много мыслей и вопросов, на которые нет и не будет ответа... Стыд не причастности...

Секретный приказ Командующего СТОФ о проведении пятидневных учений на острове Сахалин хоть как-то сколыхнул и увёл от мрачных мыслей. Тоска на берегу. Время тянется. Особенно когда все скрываются со своими, похожими мыслями и чувствами, за обшивкой кораблей.

– Недолго, конечно, двадцатого июня уже к ночи должны стоять в Гавани. Ну хоть что-то!

– А цель-то какая?! Снова поиграем в войну и всё?

– Может и так. Но учения полномасштабные. Да и задача – отработка наступления во взаимодействии с флотом и морским десантом. Такого мы ещё не отрабатывали. В любом случае, наша задача как всегда – мы впереди и тралим проходы для десантных кораблей. Наша задача мины и безопасность. Так что Миша, ты идёшь первым!

Учения промелькнули незаметно и быстро. Погода замечательная. Район знакомый. Экипаж сработан и слажен. Без нештатных и вообще каких-либо ситуаций. Одним словом – учения. Начались и закончились.

И снова причал.

И снова мысли.

Мысли.

Мысли.

Мысли...

Незаметно в гавани стало теснее.

Незаметно.

Постороннему обывателю не увидеть, но, когда знаешь каждый корабль в радиусе пяти километров. Не только по названию, по очертаниям, по поцарапанному борту... Когда даже в полной темноте, по звуку, можешь определить кто и где дышит, хлюпает и стучит бортом о доски причала...

Изменилось...

И не военные. Нет. Гражданские.

Пропыхтят к разгрузке. Скинут на берег грузы и не уходят, а под какими-то непонятными предложениями швартуются неподалёку и что-то там чинят, красят... И команды не гражданские, а свежесобранный состав...

Незаметно...

– Что думаешь? Война?

– Да не знаю... Начало августа... Поздно... Посмотри на погоду. Шторма начинаются. Вряд ли. Может просто проверка какая грядёт или новые учения...

– А зачем с первого августа поменяли опознавательные знаки?!

– так их раз в две недели меняют!

– А сейчас на неделю раньше...

– Ерунда это всё! В августе выход крайне опасен, можно попасть так, что и половины кораблей назад не вернётся. Да и силёнок у нас маловата. У японцев миллионы, а у нас? Сначала сил набраться надо, разобраться что к чему, войск перебросить, а это не быстрая песня, ну и флоту поднастроить... Год-два не меньше...

– Ну может быть и так... Разберёмся. Вон вестовой бежит. При параде. Сейчас на ужин позовёт...

– Товарищ лейтенант. Вам приказано немедленно прибыть на тральщик!

– Что случилось?

– Не знаю, но объявлена боевая тревога и через десять минут мы уходим из гавани ставить минные заграждения...

– Ну, вот о чём мы и говорили! А ты год-два...

– Товарищ лейтенант! Вы распишитесь в получении!

– Давай... И карандашом на приказе, – Седьмое августа сорок пятого года. Восемнадцать пятнадцать...

...Амурский лиман. Времени нет. Получили оружие и боеприпасы. На тральщик и на каждого. Идём тралить минные поля и делать проходы. За спиной пойдёт десант. Скоро зайдём на грядки, засаженные японскими помидорами и огурцами. Соберём урожай и в сторону.

Южный Сахалин будем будить не мы.

Наша задача полоть грядки в тумане...

Ослики моря

Всё началось с тумана.

Тёмная белая масса затянула горизонт скрыв под собой сопки.

Вкрадчивой поступью.

Шаг за шагом пошла по воде.

Под вечер исчезла линия, разделяющая небо, сушу и океан.

Осталась одна – у ног.

От них сейчас и начинался горизонт.

Словно на краю земли и времени.

Тишина.

Лишь вкрадчивый шорох волн и звёзд.

Неторопливая поступь чьих-то неосторожных шагов, пугающих это умиротворение.

А у тральщиков никогда не бывает мира.

Какой бы ни была обстановка – у них всегда война. Каждый метр от берега – боевой. Их работа незаметна, как дыхание или стук сердца, но без них сложно. А может быть порой и невозможно.

День – ночь.

Война или мир.

У них нет разницы в каком они измерении или вселенной – они смертники, они камикадзе, они ослики. Они всегда на грани, разделе, границы, черты. Во всех мыслимых и возможных значениях. Морские ослики, взвалившие на свои плечи огромную ответственность – они охрана водного района и противодесантная оборона побережья.

ОВРа! Охрана водного района...

В войне ли, в ожидании мира – они в ответственности за своих старших братьев. Допустишь небрежность – и погибнут идущие за тобой друзья и товарищи.

Первая пуля врага – разведчику. Так говорят на суше. На море, первая мина тральщику – так думают. И так бывает. Шансов на ошибку нет и не будет. Есть объективная возможность выжить и победить. Как боевая единица тральщик необходим, но даже если пропустит, и нарвётся на мину, то даже погибая он приходит на помощь. Отведя от кого-то его беду и служа последним, пусть и недолгим маяком границы вражеских мин.

А кто его будет жалеть?!

Вот он есть, пытящий черным угольным смрадом и раздувающим белые клубы пара старенький пароходик – бывший манёвренный буксир Владивостокского пароходства, призванный на защиту страны четвертым минным тральщиком второго дивизиона ОВРы, а налетел на мину неизвестной постановки сорванную штормами – ветрами с якоря и нет его. Нет ни в пароходстве, ни в Красной армии. Была боевая единица и пропала. Это её задача находить такие мины и обезвреживать.

В миру, вчера, в жизни гражданской, обычный БП-582, а в этой, сегодняшней жизни, военной – ТЩ – 24.

Ну, и кто его вспомнит?

Оттуда ушёл, а здесь не вернулся.

Там не ищут, здесь забыли.

Тральщик ТЩ – 24. Водоизмещение четыреста тонн, длина тридцать два метра, осадка семь метров, что очень и очень хорошо. Главная энергетическая установка – котломашинная (попросту говоря паровой котёл на угле). Машина мощностью четыреста лошадиных сил развивающая скорость до восьми узлов в час. Дальность плавания – четыреста миль. Экипаж – до полста человек. Построен в девятьсот тридцать восьмом году. До сорок второго года был буксир-

ным пароходом плавсредств Главного военного порта Тихоокеанского флота. В сорок первом году был призван на защиту Отечества в ряды Военно-Морского флота и переоборудован в тральщик, а что делать? Суда, как и людей тоже призывают к защите Отечества... Оснастили двумя сорокапяти миллиметровыми полуавтоматическими универсальными пушками 21-К, четырьмя пулемётами калибра семь шестьдесят два, двумя тралами: Шульца (МТШ) и змейковым (МЗТ), после чего и приняли в ряды ТОФ. А тринадцатого сентября сорок четвёртого зачислили и почти сразу отправили на боевое дежурство в четвёртый отдельный дивизион тральщиков Военно-Морской базы г. Советская Гавань.

Вот так, коротко о жизни и возможностях маленького океанского мула. Маленького и непрехотливого искателя мин. Скользящего среди звёзд, волн, мин и языков тумана.

Незаметного и незаменимого...

Нырнувшего в туман до завтра или навсегда...

Туман встречает, привечает, но не всегда отпускает.

Можно добавить, что и ошибок он не прощает, но кто не скажет, что ошибок простить может не каждый и не всегда? Он играет по не им написанным правилам. А если с навигацией ошибся да напоролся на скалы или отмели, так он не причём. И нечего сваливать все беды на него.

Он просто встречает.

Он провожает.

От него уходят и к нему возвращаются.

Туман...

Туман

Спешил к войне, а она пришла сама.

Как-то странно, до скрипа в суставах, начинать войну. Вернее, первому прокладывать к ней дорогу.

Это приказ.

Это жизнь.

Это необходимость.

Туман...

Ответственность неимоверная.

Напряжение убийственно невообразимое.

Только тихое бухканье двигателя дразнит повторением стука сердца. И неизвестно, что стучит сильнее и громче.

Спасибо туману – прячет грохот, идущий из груди в своей белой бездне холода.

Туман...

Всё, что может светиться – выключено, отключено, завешено, покрашено, занавешено. Над трубой разместили листы дырявого железа – для случайно вырвавшихся искр. Сигареты, папиросы, махра – под замком страха и ответственности. Военной, комсомольской, партийной. А курить хочется с такой силой, что кажется взорвутся мозги.

Глаза прикрыты до японских – слишком сильно горят – могут демаскировать.

Туман...

С палубы убрано всё, что может гореть, загореться, воспламениться, вспыхнуть. Всё то, что может осветить туман на время больше расчётных тридцати секунд. Ну, максимум на минуту. Эта минута: от взрыва мины под днищем и полного исчезновения тральщика под водой. Просто и понятно, как и то, что тот, кто останется на плаву – обязан потушить привлекающие внимание врага горящие, не утонувшие обломки. Ценой всего.

И никто, никто не придёт на помощь – сначала уничтожается враг и только затем спасаются погибающие. На флоте свои уставы и порядки. По-другому не выжить.

А белая холодная мгла, пожирающая море и перемешенная синью ночи – это и есть часть успешной стратегии советского командования.

Туман – это искусство пройти и разминировать проходы для наступательных отрядов советской армии. Не тархтеть погремущей, а сделать.

Туман – это безвестный шаг в бессмертие.

Туман – это жизнь вопреки всему. От своего берега до чужого.

И уже потом, вслушиваясь в разговоры орудий, перебранку автоматов и ор винтовок, прошедших на острова по туманным дорожкам тральщиков, впервые в жизни решил нарисовать картину.

На двойном, школьном листе, вырванном из середины тетради в клеточку.

Тральщик, идущий по лунной дорожке между рогатых шаров мин к зловещим, ошети-
нившимся пушками и пулемётами, японским берегам.

Тщательно, шаг за шагом, прописывая деталь за деталью.

Выждав, пока засохнут чернила, полюбовавшись ещё минут десять, вытащил из-под
стола банку с белой краской и смачно обмакнув в неё широкую кисть закрасил лист.

Туман...

Рассечённый пополам носом тральщика...

Позади

Война началась внезапно.

Ночью и туманом.

В собачью вахту.

Оттолкнулись от причала и ушли. Работа как была – тралить, так и продолжилась. Тральщик всегда на войне. С той разницей, что в войну его помимо всего ещё и обстреливают из автоматов, пулемётов, пушек...

Американцы, обстреливая Курильские острова из пушек крейсеров и эсминцев, не забывали совершать налёты и бомбить Токио, и бомбить железнодорожное депо в Марифу, и бомбить японские суда что к юго-западу от Куро. Бомбить, бомбить и бомбить. Это ведь совсем не страшно и героично бросать бомбы заведомо зная, что сдачи не дадут. Кинули, а там кому как повезёт. Это не в рукопашную. Этот кусочек-кусище – русским.

Не прошло и двух недель, а японцы капитулировали. Окольными путями, через Швейцарию, в Америку... Сделали милость ошалев от внезапно появившихся из ниоткуда советских бойцов. Ещё не остывших от боёв с немецкими фашистами. Умудрённых и опытных.

Капитулировать, то капитулировали, но воевать не перестали. Капитулировало правительство Японии, а армия Японии и не поверила сразу. Но мы это уже проходили.

Потому и не остановились.

Семнадцатого взяли Эсутори, что порт-город на Сахалине.

К десантной операции подготовили в Ванино морскую пехоту.

Восемнадцатого, после ночного рейда тральщиков, в пять утра высадили десант на остров Самусю.

Двадцатого, при яростном сопротивлении береговых батарей японцев, высадившийся десант захватил Маоко. Началась переброска дивизиона тральщиков, авиадивизии, бригады сторожевых кораблей в район порта Отомари.

СовГавань сделали важнейшим узлом в снабжении продовольствием и частями освобождению японцев от фашистов.

Двадцать первого овладели портом Усиру, что на западном берегу Сахалина.

Утром двадцать третьего – понимая, что Курильские проливы возле Камчатки являются основными для выхода в океан, в район островов Шумшу, Парамушир, Араито – к ним отправлены тральщики, чтобы обследовать подходы морем, а после выполнения этой непростой, но обыденно-боевой задачи, двадцать четвёртого туда отправлена группа боевых кораблей с десантом, который к вечеру этого дня занял и город, и порт Хонто.

И в десять вечера столица нашей Родины Москва от имени Родины салютовала Забайкальским, Дальневосточным войскам и Тихоокеанскому флоту двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

Двадцать пятого – разоружение гарнизона японцев в Отомари и: «Товарищ Л..... с Михаил Михайлович! Верховный Главнокомандующий Генералиссимус Советского Союза товарищ Сталин, в приказе номер триста семьдесят два от двадцать третьего августа сорок пятого года за отличные действия в боях с японцами в южной половине острова Сахалин объявил Вам благодарность» ... Как и сотням, тысячам других героев.

Двадцать шестого, главным разведуправлением от неизвестной радиостанции было перехвачено сообщение, заставившее отряхнуться от череды побед и внимательно осмотреться на новой местности: «Во время сдачи в плен необходимо у самолётов снять пропеллеры и моторы, снять технику и боеприпасы. Оружие и ценную технику спрятать согласно инструкции; боеприпасы взорвать на месте»...

С двадцать шестого августа по второе сентября продолжались операции по занятию островов Курильской гряды, разоружение гарнизона Рубецу, пленение гарнизона Итуруп, погрузка войск и продовольствия в Совгавани для переброски на Курильские острова, в порты Отомари и Маоко.

Второго сентября сорок пятого года Сталин обратился к народу:

«Товарищи!

Соотечественники и соотечественницы!

Сегодня, второго сентября, государственные и военные представители Японии подписали [акт безоговорочной капитуляции](#). Разбитая наголову на морях и на суше и окружённая со всех сторон вооружёнными силами Объединённых Наций, Япония признала себя побеждённой и сложила оружие.

Два очага мирового фашизма и мировой агрессии образовались накануне нынешней мировой войны: Германия – на западе и Япония – на востоке. Это они развязали вторую мировую войну. Это они поставили человечество и его цивилизацию на край гибели. Очаг мировой агрессии на западе был ликвидирован четыре месяца назад, в результате чего Германия оказалась вынужденной капитулировать. Через четыре месяца после этого был ликвидирован очаг мировой агрессии на востоке, в результате чего Япония, главная союзница Германии, также оказалась вынужденной подписать акт капитуляции.

Это означает, что наступил конец второй мировой войны.

Теперь мы можем сказать, что условия, необходимые для мира во всём мире, уже завоеваны.

Следует отметить, что японские захватчики нанесли ущерб не только нашим союзникам – Китаю, Соединённым Штатам Америки, Великобритании. Они нанесли серьёзнейший ущерб также и нашей стране. Поэтому у нас есть ещё свой особый счёт к Японии.

Свою агрессию против нашей страны Япония начала ещё в тысяча девятьсот четвёртом году во время русско-японской войны. Как известно, в феврале тысяча девятьсот четвёртого года, когда переговоры между Японией и Россией ещё продолжались, Япония, воспользовавшись слабостью царского правительства, неожиданно и вероломно, без объявления войны, – напала на нашу страну и атаковала русскую эскадру в районе Порт-Артура, чтобы вывести из строя несколько русских военных кораблей и создать, тем самым, выгодное положение для своего флота. И она действительно вывела из строя три первоклассных военных корабля России. Характерно, что через тридцать семь лет после этого Япония в точности повторила этот вероломный приём в отношении Соединённых Штатов Америки, когда она в сорок первом году напала на военно-морскую базу Соединённых Штатов Америки в Перл-Харборе и вывела из строя ряд линейных кораблей этого государства. Как известно, в войне с Японией Россия потерпела тогда поражение. Япония же воспользовалась поражением царской России для того, чтобы отхватить от России южный Сахалин, утвердиться на Курильских островах и, таким образом, закрыть на замок для нашей страны на Востоке все выходы в океан – следовательно, также все выходы к портам советской Камчатки и советской Чукотки. Было ясно, что Япония ставит себе задачу отторгнуть от России весь её Дальний Восток.

Но этим не исчерпываются захватнические действия Японии против нашей страны. В тысяча девятьсот восемнадцатом году, после установления советского строя в нашей стране, Япония, воспользовавшись враждебным тогда отношением к советской стране Англии, Франции, Соединённых Штатов Америки и опираясь на них, – вновь напала на нашу страну, оккупировала Дальний Восток и четыре года терзала наш народ, грабила советский Дальний Восток.

Но и это не всё. В тридцать восьмом году Япония вновь напала на нашу страну в районе озера Хасан, около Владивостока, с целью окружить Владивосток, а в следующий год Япония повторила своё нападение уже в другом месте, в районе Монгольской Народной Республики,

около Халхин-Гола, с целью прорваться на советскую территорию, перерезать нашу Сибирскую железнодорожную магистраль и отрезать Дальний Восток от России.

Правда, атаки Японии в районе Хасана и Халхин-Гола были ликвидированы советскими войсками с большим позором для японцев. Равным образом была успешно ликвидирована японская военная интервенция тысяча девятьсот восемнадцатых – двадцатых годов, и японские оккупанты были выброшены из районов нашего Дальнего Востока. Но поражение русских войск в четвёртом году в период русско-японской войны оставило в сознании народа тяжёлые воспоминания. Оно легло на нашу страну чёрным пятном. Наш народ верил и ждал, что наступит день, когда Япония будет разбита и пятно будет ликвидировано. Сорок лет ждали мы, люди старого поколения, этого дня. И вот, этот день наступил. Сегодня Япония признала себя побеждённой и подписала акт безоговорочной капитуляции.

Это означает, что южный Сахалин и Курильские острова отойдут к Советскому Союзу и отныне они будут служить не средством отрыва Советского Союза от океана и базой японского нападения на наш Дальний Восток, а средством прямой связи Советского Союза с океаном и базой обороны нашей страны от японской агрессии.

Наш советский народ не жалел сил и труда во имя победы. Мы пережили тяжёлые годы. Но теперь каждый из нас может сказать: мы победили. Отныне мы можем считать нашу отчизну избавленной от угрозы немецкого нашествия на западе и японского нашествия на востоке. Наступил долгожданный мир для народов всего мира.

Поздравляю вас, мои дорогие соотечественники и соотечественницы, с великой победой, с успешным окончанием войны, с наступлением мира во всём мире!

Слава вооружённым силам Советского Союза, Соединённых Штатов Америки, Китая и Великобритании; одержавшим победу над Японией!

Слава нашим дальневосточным войскам и тихоокеанскому военно-морскому флоту, отстаивавшим честь и достоинство нашей Родины!

Слава нашему великому народу, народу-победителю!

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть здравствует и процветает наша Родина!».

И чуть позже, третьего сентября во всех частях зачитан приказ номер триста семьдесят три Верховного Главнокомандующего по войскам Красной Армии и Военно-Морскому Флоту:

«Второго сентября сорок пятого года в Токио представителями Японии подписан акт о безоговорочной капитуляции японских вооружённых сил.

Война советского народа, совместно с нашими союзниками, против последнего агрессора – японского империализма – победоносно завершена, Япония разгромлена и капитулировала.

Товарищи красноармейцы, краснофлотцы, сержанты, старшины, офицеры армии и флота, генералы, адмиралы и маршалы, поздравляю вас с победоносным завершением войны против Японии.

В ознаменование победы над Японией сегодня, третьего сентября, в день Праздника Победы над Японией, в двадцать один час столица нашей Родины Москва от имени Родины салютует доблестным войскам Красной Армии, кораблям и частям Военно-Морского Флота, одержавшим эту победу, двадцатью четырьмя артиллерийскими залпами из трёхсот двадцати четырёх орудий.

Вечная слава героям, павшим в боях за честь и победу нашей Родины!

Пусть живут и здравствуют наша Красная Армия и наш Военно-Морской Флот!».

Когда наступил мир

Вот и пришла зима.

С завываниями и погонами старшего лейтенанта.

Ветром, шевелящим полы одежды, замерзающим и вымораживающим мозги.

Тут, в ледяной и промозглой пустыне, которой безраздельно командует Тихоокеанский флот, вспоминается тепло дома и мама...

Сколько уже не видел и не слышал её?

Редкие письма согревают, но каждодневная рутина не позволяет доставлять ей такую же радость. Сидит ведь, вечерами глядя в замёрзшее окно и думает о своём непутёвом сыне, который скрываясь за службу прячет обыкновенную лень и юношеский максимализм. Переживает. А что с сыном может случиться? Война позади. Мир во всём мире. Ну, что может случиться? Что может стрястись? Не надо волноваться...

Ветер!

Ветерок!

Ветрище!

Ты сильный.

У тебя хватит силёнок долететь до далёкого Курска и постучавшись в окно, к маме, передать, чтобы она не грустила и не плакала.

Передай что скоро встретимся.

Донеси мои ночные и не совсем мысли.

«Время несётся табуном лошадей. А я такой же, как и был. И перемен не видно. Разве что любовь к ней сильней и жарче. Раньше был молодой и не понимал, что так можно любить. А теперь в минуты затишья и отдыха, в первую же свободную и спокойную секунду в мыслях обнимаю тёплый взгляд бесценного лица. Когда ещё учился и приезжал в отпуск. Был с тобой. А когда расставались, я смеялся и шутил, а надо было обнять и молчать, молчать, молчать. Молодой был. А ведь это ты мама поставила меня на путь защиты Родины. Ты и только ты! Проводила меня до дверей, заплакала, и вытерев печаль с лица, улыбнувшись, ласково сказала: „Иди“ и слегка подтолкнула рукой. А время, оглянувшись назад, пролетело свистом снаряда над головой и определило меня на маленький, но юркий кораблик. Ох и покувыркались мы с ним за войну... Камчатка. Сахалин. Курилы. Поднабрался опыта боевого. И потому в кители, при погонах ли – моряк. Теперь моряк! Просто холостой моряк! А сердце закалилось. После войны всё стало восприниматься острее. Научился держать свой характер в руках. И сейчас у меня впереди одна широченная дорога – морской безбрежный тракт. Надеюсь, скоро увидимся. Может даже в феврале. Целую тебя, мама. Твой сын».

С такими мыслями теплей становится. И на душе тоже. Хоть и понимаешь, что это всё иллюзия, всё обман, но в них то и сила великая! С такими мыслями легче, несказанно легче хмурю холодную сырость, называемую туманом перенести и пережить...

А вокруг снег белым саваном раскидан. Лежит, перемигивается со звёздами в ожидании утра. Того самого, с которым придёт пожирающий его туман.

На войне мысли были, но совсем мало. Задачу получил – задача должна быть выполнена. Не думалось за балы, за шторма и ветра. Главное не сесть на риф или мель. Главное не подвести. Сухопутные, стоя на причале: «Смотри! Всё тихо. Океан гладок и прозрачен. А туман розовый в дорогу!» Так бывает, особенно на берегу. Чаще всего, неприметный тихий и спокойный ветерок поднимает серые, только бы не седые, гребни-гребешки. Поигрывая и покачивая, а надоест, так без замаха под дых в корабельную тушку до визга винтов на воздухе. Посмотреть бы на личико сухопутного романтика в эту секунду.

А на бухте лёд. Метель рычит и воеет голодным шакалом. Свистит и насвистывает ледяной северо-западный ветер по винтам. Неравномерно налетая звенящим шквалом застывшего льдом в полёте снега.

Советская гавань спит, укутавшись в зимнюю стужу. Морозным треском лопающегося льда круша желания, мечты и грёзы.

Сон захватывает и несёт на далёкий и неприступный Запад.

Во сне...

Сон...

Люди

Почти неделю в отпуске.

Всё началось, как всегда. По всем законам флотского жанра. Отпускной билет выписали с двадцатого февраля – замечательно и наконец-то. Только города перепутали. Вместо Курска написали Киев. Исправлять не стал потому, что не успел.

Но это не самое страшное.

Самое интересное произошло в Пивани.

На ж/д станции.

Старшина поехал меня проводить.

Купили билет на вокзале, а до поезда часов шесть. Ну, вышли из здания, а за нами местный бандитский сброд увязался. Человек пять. Небритые, грязные, в фуфайках. Идут и идут, а как мы свернули в сторону леса, так они шаг добавили и за нами, чуть ли не бегом. Ну, я пистолет у старшины взял, патрон в патронник загнал и его под шинель спрятал. И к ним лицом. Старшина чуть в стороне.

– Ну, говорю, держись. Сейчас грабить будут.

А они догнали, обступили нас. Ну, думаю: «Всё, сейчас стрелять придётся». Только руку под шинелку сунул, а один – руки в наколки, зубов во рту, как в сломанной гребёнке:

– Л.....с?

Мы так и в снег чуть не сели. У меня таких знакомых никогда не было.

– Ну, я...

– Михал Михалыч?

Тут уже не знал, что делать. Грабить нас, вроде, никто не собирался. А эти, обступившие, между собой:

– Я ж тебе говорил, что это он, а ты нет, да нет!

– Да не похож он на Л.....са!

– Ну, так он же отозвался на фамилию!

– А ты мне бы так сказал, так и я обозвался бы. Ты у него спроси с какого он года.

Старшина уже на меня внимательно стал смотреть, видимо пожалел, что пистолет мне отдал. Дескать Л...с бандит, а эти уголовники его признали. За своего. Может он и главный. Вишь Михал Михалычем обзывают. И шажок-то от меня – хрусть в сторону. На всякий случай. А у меня таких красивых расписных синевой друзей даже очень поискать – не найдёшь...

– Двадцать третьего...

– Ну, я тебе говорю – он! А ты мне пургу по ушам метёшь!

– Пусть скажет, где родился!

– Михал Михалыч! Ну, скажи ты ему, где появился на свет божий. Ну, не верит, что ты это ты!

– Верхнеудинск...

– Всё! Он!

– А в чём мужики дело-то? – спрашиваю.

А они мне в ответ:

– Вы покупали билеты на станции?

– Ну, мы...

– Вот, обронили случайно видно.

И протягивает мне мой партийный билет! Тут я по карманам себя хлоп, а его там нет. Вот он, в синих заочневших грязных руках...

А денег не взяли.

Отдали и ушли.

А потом скажи, что уголовники-рецидивисты.

Купил водки и еле потом их нашёл. Так брать не хотели. Замахнул с ними чуток, тогда как выпили вместе, так и взяли. А по мне, если люди порядочные и честные, то не зазорно с ними и рюмку опрокинуть, какой бы они не были масти и как бы их судьба не вывернула-изогнула. Главное, что они ЛЮДИ!.. И ЛЮДЬМИ остались...

Вот такие истории бывают в дороге...

Первый отпуск

Вновь стучат колеса.

Рельсы.

Шпалы.

Его жизни.

Что-то впереди.

Что-то сзади.

Сзади...

А сзади первый послевоенный год.

Первый отпуск за всю жизнь.

Заслужил!

Маршрут простой, не сложный. По кругу. Через всю известную и невиданную страну.

От войны до мира. От Востока до Запада.

Широка страна моя родная

Много в ней всего...

За окнами мелькают и мелькают...

И колеса поезда вновь и опять перестукиваются стыками выбивая железнодорожной морзянкой:

– Приказ номер тридцать командира четвёртого отдельного дивизиона тральщиков: от имени Президиума Верховного Совета СССР, за участие в военных операциях против японских империалистов в составе Тихоокеанского флота, лейтенанта Л... са Михаила Михайловича – командира БЧ-три ТЩ-двадцать четыре наградить медалью «За победу над Японией»...

Отстучали.

Отметили.

Курск

Курск спал.

Тяжело вздыхая запахом пожаров ночи, мглой разрушенных домов, изувеченных, вздыбленных дорог, маревом вчерашней войны.

Люди проснутся позже. Как всегда – чуть раньше восхода солнца. Когда ещё сумерки будут бороться с проявляющимися тенями вчерашних побед, не ушедших и пришедших бед.

В сумерках, в раннем утре легко. Не видно боли. Не видно горя. А поднимающееся солнце уже безжалостно рисует контрасты вчера и сегодня. Оно величаво идёт по улицам и направлениям. По проёмам сгоревших окон, обгоревших крыш. И за светом, за укорачивающимися тенями – люди. Человеки. Разные. Они начинают наполнять грохотом, гулом, криками, разговорами, пылью, шумом шагов улицы. Эхо, осмелевшее за ночь, уходит. Прячется в безлюдных подворотнях и застывших подъездах. Но как оказалось оно боится пыли. Её взлетающие кучи раздроблённой вчерашней гордости и красоты Курска, разбегаются по тёмным и, казалось бы, не приступным уголкам города. И дневному многоголосью нужно снова и снова дожидаться ночи, пока роса не прибьёт всепроникающее напоминание вчерашних боёв.

Город живёт.

Тяжко вздыхая падающими стенами разрухи, но живёт. Пустыми глазницами пожарищ, но живёт. Ночными кошмарами вчера и улыбками завтра, но живёт. Сегодня никто не отменял. Пусть тяжело, но жить просто необходимо.

Направления постепенно уступают место улицам. Ревущие, рыкающие, лязгающие, гремящие грузовики увозят направления разрухи на свалку. За город. Или поближе, в воронки от бомб. В шрамы земли курской. День за днём.

Город оживает рынком. Пёстрым и многоцветным. Шумным и настороженным. Насыщенным и дорогим. За деревянным забором. Рядами навесов с почему-то синими прилавками. Толкучкой. Ворованного и разного. Интеллигентного и скандального. Бессменной, всё также дурно пахнущей и постоянно пьяной круглолицей бабой Маней, много лет торгующей петушками на палочке, словно часовой, до обеда, охраняющей один из входов центрального рынка.

Город просыпается отрывистым, глухим, жалобным лязганьем удара о стену снятой с железной, кованной петли широкой и толстой металлической ленты, опоясывающей на ночь дверь магазина. Одного, другого, третьего. Многих. И к ним тянутся люди. За продуктами. Пусть по карточкам. Но всё же что-то. К вещам и тряпкам. Там как повезёт.

А ещё к воде. С ведром, бидоном. К воде. Вода она нужна.

А магазин «Фрукты-овощи»? С витриной и безмятежным, огромным плюшевым медведем, пьющим сок. И кучей ребятишек у стекла. У стекла, за которым есть детство. За которым не слышно войны... Сытый мир огромным плюшевым медведем...

Город наполнен голосами хриплых громкоговорителей, поющими и рассказывающими. Помогающими. Останавливающими всё голосом новостей. Постоят послушают и дальше, за работу.

А после работы на вокзал. На старом деревянном, забитым до висящих на дверях людях, трамвае. К паровозам, встречающим возвращающихся победными паровозными гудкам. Кто на вокзал, а кто на почту. Ждущие и верящие. Нашедшие и потерявшие. Боящиеся маленького треугольного конверта с казённым началом: «... Ваш...». Дальше может быть только маленький тлеющий уголёк надежды: «...без вести пропал...». А вдруг?!

Почта.

Послевоенная почта.

Когда на всю страну один и общий адрес: «До востребования».

По мере расчистки завалов, восстановления разрушенного, появляются и адреса, но этот самый надёжный. Почта, как центр поиска родных родными. Своими своих. Воевавших. Погибших. Пропавших. Перемещённых. Эвакуированных. Вернувшихся.

Война-то какая была! Раскидала так, что пойдти сыщи по всей стране. Куда занесла лёгкая и не лёгкая. Пойди найди, кто, кого и где приютил-приголубил, где, кто дал кусок хлеба, да крышу над головой. И не важно, где, как и с кем – главное живы. Главное, что вернулись. И низкий поклон тем, кто не дал сгинуть в этом бешеном протуберанце хаоса. Буря прошла, а собираться в кучу надо. К своим могилам, к своей земле. Погостили и будет. Хотя... Эта война сделала всю страну огромным домом с множеством комнат и коридоров. Одним двором. Одной спальней. Одной кухней. Одним на всех куском хлеба. Одной бессонной ночью... Найдись бы, да вернись! К маме...

А на главпочтамте – телеграмму. Нацарапал измученным плачущим и скрипящим чернилами пером: «В Курске Доехал хорошо всё нормально через неделю выезжаю домой Двадцать шестого Улан Удэ Михаил Л...с».

А рядом, за стойкой девушка.

Одни глаза.

Худенькая и красивая.

И сердце остановившись летит.

Не подойти.

Вот она судьба!

А сил слово сказать – нет.

Онемел, как статуя.

Только глаза в глаза и перестук сердец.

Развернулся: и где та краса с очами?!

А она осторожно дотронулась до ускользящего в гудящую очередь плеча:

– Военный! Что? Так и уйдёте?

А слов всё нет! Пожар! Всё горит в груди.

– Меня зовут Циля, а Вас?!

А в ответ, почти шёпотом:

– Лейтенант... сбился, покраснел и совсем тихо: – Михаил...

Вздыхнув полной грудью и с облегчением вернувшейся речи:

– Мишка! Очень рад знакомству! Сейчас отправлю телеграмму, и я Ваш!

– Жене?!

– Тёте! Только Вы никуда не уходите! – и сделал шаг к очереди, штурмующей окно приёмки телеграмм, улыбнулся, сложил бланк телеграммы, сунул её в карман:

– Завтра отправлю. Пойдёмте гулять, глазастая девушка Циля!

– Пойдём.

А под ногами песок. Хрустящий словно замороженный и заготовленный для зимы снег. А над головою Луна в обрамлении паутинок звёзд. Любви с первого взгляда больше и не нужно. А судьбе с первой секунды этого достаточно. А вселенная, лежащая у ног влюблённых, привыкла. Только и успевает подбрасывать звезды им под ноги. Пригоршнями. Им то всё равно, им не видно ничего кроме сияния глаз.

Звезды ведут и ведут. И привели. В театр. Кино.

– «Сильва»! Вы не хотите посмотреть? Пойдём?

– Так уже поздно! Сеансов то нет, наверное.

А жизнь улыбается влюблённым, даря им счастье во всём. И сеанс, не смотря на позднее время, был. Словно для них подготовил подарок сам Имре Кальман.

Гардероб.

Номерки.

Горячие пирожки и газировка, бьющая пузырьками и грушевым ароматом в нос.
Черно белые всплески оперетты.
Дрожащие руки, лежащие строго на коленях.
Размеренная трескотня киноаппарата.
В темноте, как пионеры на торжественной линейке.
Под стук двух сердец.
Вальс зарождающейся любви.
На пепелище восстанавливаемого города из сердца к звёздам:

Не знаешь на каких дорогах
Искать нежданную звезду.
Их в нашей жизни очень много
Простор и даль волнует дух.

И сердце трепетно со мною
Зовёт бежать под стук колёс.
Одну, в которой всё земное
И всё небесное слилось.

Поезд

Ещё вчера гулял по влажным от слёз счастья улицам северной столицы страны – Ленинграду.

А в Москву приехал, чтобы постараться позвонить и дозвониться и любимой, и домой.

Ещё вчера кричал и свистел на салюте в честь «Дня Победы» – было очень много народу и на Дворцовой площади, и по Адмиралтейскому проспекту. Очень много радости и счастья. Всё очень красиво, весело – танцы прямо на улицах, но после отъезда из Курска всё время не хватает курской девчонки.

Пока жил всё время у товарища, несмотря на отвратительную Ленинградскую погоду, целыми днями шлялся по городу. Один раз даже сходил в театр. И читал. И читал. И читал. У товарища дома блестящая библиотека, даже полное собрание сочинений Аркадия Аверченко. Читал «Вечером» вечером и захлёбывался от простоты и смеха.

Совсем немного времени и уже послевоенная, расправляющая крылья Москва подарила Красную площадь. Кремль. Суету. Людей. Друзей.

На вокзале и встретились. Собралась, совсем случайно, компания тихоокеанских «морских волков». И все в одном направлении – на Восток! Просто повезло.

В хорошей компании и время летит быстро и незаметно. А ещё используя природную смекалку и боевой опыт «захватили» целое купе общего вагона. Теперь из всех развлечений: сон, карты, уничтожение съестных припасов, разговоры и обмен впечатлениями.

– В Ленинграде был.

– Как там?

– Белые ночи. Встретил день Победы там. Радостно и грустно.

– Чего так?

– У моей девушки родственники там. Пришёл письма передать, а они отмечают запоздалую Победу. Как-то тихо, на кухне. Пирожки пекут. В муке и слезах. Собрались и отмечают. Плачут. Пришлось им. Многие из эвакуации вернулись, а квартиры заняты. В основном переселенцы. Все хлебнули горя...

– Досталось... Подожди! Какая девушка? У тебя же никого не было! Рассказывай давай!

– В Курске познакомился... И мне, кажется, на всю жизнь...

– Почему кажется?

– Ты знаешь, анализируя всё то, что произошло со мной в моей длинной жизни и пришёл к убеждению, что мне очень часто не везёт и поэтому естественно, я с большим трудом верю, в то, что первое серьёзное знакомство с девушкой принесёт мне счастье, такое счастье о котором мечтают не многие.

– Ой! Да ладно! Анализирует он. Проще смотри на это.

– Вот о том и разговор. Часть из современных молодых людей смотрят на будущую подругу жизни, как на «постельную принадлежность». У меня немного иначе. Воспитан по-другому.

– Ну, братец, ты, кажется, впал в какую-то дикую философию.

– Может быть... Это, наверное, действует тряска и скрип колёс.

– Прекращай грустить! Пока солнышко, полезли на крышу, позагораем.

И вперёд. И наверх. На ребристую горячую крышу вагона. Под ветер, развевающийся и обволакивающий угольный чад паровоза, солнце и стук колёс. Что ещё надо для ощущения полёта, счастья? Когда вокруг тебя огромная страна, о которой столько слышал, но никогда не видел. Паровоз паровозом, взрезающий её. Рельсы волнами, раскидывающие поля, леса города. По сторонам. От станции до станции. И ты на вершине несущегося вперёд, в будущее. Сверкая глазами из-под черной маски.

А на станции бегом – закопчённые и загорелые, как папуасы, с полотенцами, мылом, зубным порошком и щёткой – мыться. Пугать местных бледнолицых. Отдирать копоть и сажу счастья.

И перестук чугунных колёс по стыкам выбил на листках бумаги:

– Тук-тук!!! Рельсы-шпалы. Тук-тук. Дорога...

Навеяло Востоком

Время ушло. Много и далеко.

Рельсами и перестуком колёс.

А то, что было на Востоке, от основной России всегда было скрыто Уральскими скалами.

Россию занимал юг.

Восток лишь волновал.

Никто, конечно, не хотел терять эти бескрайне неизведанные и богатые просторы, но словно пасынок он был на отшибе и особой любовью наделён не был.

Не сам по себе, но по-особому.

Так получилось.

И хоть Ломоносов сказал: «Российское могущество прирастать будет Сибирью и Северным океаном», но могущество нужно было ещё и удержать. А поскольку силы были не равны, то Сибирь жила сама по себе. Словно девка на выданье. Не терпящая малейшего насилия над собой. Ни в чём. Как-то сложилось, что обходилась она без помещиков, по своим писаным – не писанным правилам. Держась друг за друга и помогая во всем. Даже на ночь, запирая дома ставнями и засовами тут оставляли на пороге дома поесть, да одежонку какую. Для беглых каторжан. Пусть возьмут. Тут как: ссыльным помогают бывшие ссыльные. Или будущие... Сегодня-то здесь, а завтра там. Кто знает как судьба распорядится. А как в этих краях выжить? Да никак, потому тут, как в море, если что, на дно всем скопом и булькнутся. И власть она ведь где-то там, во дворцах, хоромах, площадях и парадах. А тут своя воля. Та, которую и не понять, там у Невы. Здесь и зверь человеку человек. Главное не тронь и без нужды не замай.

Культурная и просвещённая, свободолюбивая и колени не преклонившая. Битая, и властями, и жизнью. Хлебнувшая, а потому осторожная. Хлебнули от союзников. Хлебнули от своих. Хлебнули от японцев, убивавших и разорявших край. Расстреливающих и сжигающих простой люд. Потому и пошли люди за коммунистами создавать свою Республику, Дальневосточную. За порядок. Хотя по-разному было...

Прародителя, прибывшего в этот благодатный край с секретной Нерчинской экспедицией, намывшего своими руками на промысле «чутьочку золота», уже никто и не вспомнит. С золота тогда всё и началось. Это в сказах, да всуе, среди люда, евреи богатые и жадные, а на деле работающие и приумножающие. И сюда, до Нерчинска их довела не жажда наживы (хотя, кто не мечтает разбогатеть по-быстрому?), а дело государево. Коль нельзя в столицах приложить своё умение и желание, так почему не рискнуть жизнью всей, да и податься в края ужасные, невиданные, нехоженые? А вдруг улыбнётся Господь, да и озарит лучиком счастья. А тут ещё и золото. Пусть немного, но пригодится. Пусть чуток, но никого не убил, не обобрал. А для начала уже много, особенно после ничего. А тут край богатый, нетронутый. И как не ему, да друзьям-сотоварищам эти богатства не поднять, да и не отправить в те же столицы-города? И империя Российская силой своей приумножится, да и интересом свои карманы наполнит. Разве плохо, когда всем есть что поесть, да одеть?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.